

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

С. БОРОВОЙ

О ПРОТОТИПЕ ОДНОГО ИЗ ГЕРОЕВ «КАПИТАНСКОЙ ДОЧКИ»

«Капитанская дочка» привлекает к себе внимание исследователей не только как одно из высших достижений пушкинской прозы. Этот роман — чрезвычайно важный источник для определения общественно-политической позиции Пушкина в последние годы его жизни. Ведь в нем говорится о крестьянском «бунте» и его вожаке; о дворянине, вовлеченном в антифеодальную борьбу крестьян, т. е. о тех проблемах, которые волновали Пушкина на протяжении почти всей его сознательной жизни.

«Капитанская дочка» в творчестве Пушкина занимает особое место еще и потому, что она была как бы «побочным продуктом» его «чисто-научных» занятий. Она так же, как и «Дубровский», создавалась параллельно с работой над «Историей Пугачева», во время напряженного изучения архивных документов и исследовательской поездки в район крестьянской войны. В. О. Ключевский даже как-то сказал, что «„История пугачевского бунта“ — это только длинное объяснительное примечание к роману».¹

Как известно, сохранилось много рукописных вариантов и писательских заготовок к «Капитанской дочке». Поэтому творческая история романа может быть восстановлена достаточно подробно.

Итоги многолетних исследований формирования текста и идейной направленности «Капитанской дочки» были недавно подведены в издании этого романа в академической серии «Литературные памятники».²

На основании анализа различных вариантов текста и набросков установлено, что по первоначальному замыслу героем «Капитанской дочки» было одно лицо: дворянин-пугачевец. В ходе работы над романом единый герой был «расщеплен» на двух персонажей: Швабрина и Гринева.³

Прототипом Швабрина было реальное лицо — подпоручик Е. Шванвич. В официальном документе, который Пушкин напечатал в приложении к «Истории Пугачева», о нем сказано, что «он будучи в толпе злодейской, забыв долг присяги, слепо повиновался самозванцовым приказам, предпочитая гнусную жизнь честной смерти».⁴ Шванвич в течение нескольких месяцев состоял при штабе «самозванца» переводчиком. Впоследствии он, лишенный дворянства и офицерского звания, долгие годы провел в Туруханской ссылке, где и умер.

О Швабине-Шванвиче Пушкин располагал и некоторыми другими данными. О нем упоминалось в известном Пушкину рукописном «Извещии о самозванце Пугачеве».

Но и второй герой романа тоже не случайно был назван Гриневым. В цитированной выше «Сентенции...» в перечне тех, «которые находились под караулами, будучи с начала подозреваемы в сообщении с злодеями, но по следствию оказались невинными», Пушкин нашел и имя «отставного подпоручика Гринева».

Располагал ли Пушкин какими-то другими сведениями о реальном Гриневе? И что мы вообще знаем о прототипе этого пушкинского персонажа?

До недавнего времени о нем вообще ничего не было известно. Однако сейчас положение изменилось. Несколько лет назад были опубликованы некоторые

¹ В. О. Ключевский, Сочинения в восьми томах, т. 7, Соцгиз, М., 1959, стр. 147.

² А. С. Пушкин. Капитанская дочка. Изд. «Наука», М., 1964.

³ Там же, стр. 170. В высшей степени интересные соображения о функциях Швабрина и Гринева в реализации творческих замыслов Пушкина были высказаны Ю. М. Лотманом в статье «Идейная структура „Капитанской дочки“» (Пушкинский сборник, Псков, 1962, стр. 3—20).

⁴ Сентенция, 1775 года января 10. О наказании смертною казнию изменника, бунтовщика и самозванца Пугачева и его сообщников. — С присоединением объявления прощаемым преступникам. Цит. по: Пушкин, Полное собрание сочинений. т. IX (1), Изд. АН СССР, 1950, стр. 190.

материалы об этом ложно обвиненном «отставном подпоручике Гриневе». Но эти документы, затерянные на страницах специальных изданий, оказались не замеченными литературоведами. Но что может показаться куда более удивительным — публикаторы и комментаторы этих документов не оценили их значения как материалов для исторического комментария к «Капитанской дочке».

Из недавно опубликованных документов стало известно, что после поражения, нанесенного Пугачеву в августе 1774 года под Царицыном, он направил на Дон, Украину и в глубинные районы России своих эмиссаров с поручением поднимать людей и направлять ему на помощь сформированные отряды. Один из таких пугачевских посланцев Федор Неструев (крепостной воронежского однодворца) побывал в Старом Осколе, Яблонице, Корочанске и Харькове. Арестованный и подвергнутый допросу в Слободской губернской канцелярии, он показал, что вручил личные послания Пугачева ряду лиц, в том числе помещику села Солдатского Старооскольского уезда «отставному поручику Алексею Матвееву сыну Гриневу». Гринев, якобы лично знакомый Пугачеву, так же как и другие лица, которым были переданы послания «царя Петра Федоровича», уверил, что будет «готов и пойдет к Пугачеву с людьми своими».⁵

В. Недосекин расценивал показания Ф. Неструева как очень ценный исторический источник, свидетельствовавший не только о сочувствии крестьянскому восстанию широких кругов населения Слободской Украины и черноземной полосы России, но и о реальных перспективах распространения крестьянской войны на эти районы.

А. С. Прокофьева в статье, опубликованной в 1964 году, выразила несогласие с выводами В. Недосекина. Анализируя те же архивные документы, она утверждает, что показаниям Ф. Неструева нельзя верить, так как они были даны под пыткой. Она выявила некоторые несообразности в показаниях посланца Пугачева и пришла к выводу, что Гринев так же, как и другие названные Неструевым лица, был оговорен и никакого отношения к Пугачеву не имел.⁶ Не останавливаясь здесь на существовании спора (отмечу все же, что аргументация А. Прокофьевой представляется нам вполне убедительной), скажу только, что и она не вспомнила о персонаже «Капитанской дочки».

Эти материалы, на наш взгляд, не требуют пересмотра сложившейся в советском пушкиноведении концепции «Капитанской дочки». Но остается невыясненным вопрос: что знал Пушкин о Гриневе? Встретил ли он только глухое упоминание его имени в «Сентенции...», или располагал о нем какими-то дополнительными данными? В пушкиноведческой литературе есть несколько специальных исследований, в которых рассматривается вопрос о работе Пушкина над историческими документами в ходе подготовки им «Истории Пугачева».⁷ Однако в этих исследованиях мы не находим данных, которые позволили бы говорить о том, что Пушкин располагал какими-либо сведениями о «настоящем» Гриневе. Об этом же свидетельствует и полное несходство биографий «пушкинского» и «подлинного» Гринева. Но во всяком случае в исторический комментарий к «Капитанской дочке» отныне нельзя не включать сведений о реальном историческом Гриневе, приобретенном благодаря Пушкину бессмертием.

⁵ См.: В. Недосекин. 1) Попытка Е. И. Пугачева поднять восстание на Дону, Украине и Черноземной полосе России в июне — сентябре 1774. В кн.: Из истории Воронежского края. Воронеж, 1960, стр. 99—101 («Труды Воронежского университета», т. LIII, вып. I); 2) Черноземный центр России и Слободская Украина накануне и во время Крестьянской войны 1773—1775 гг. «Известия Воронежского гос. педагогического института», т. 45, 1964, стр. 80—112, особенно стр. 105. Как уже указывалось, у автора при изложении материалов о Гриневе не возникло «пушкинских ассоциаций».

⁶ См.: А. С. Прокофьева. Об одном следственном показании по делу Пугачева. В кн.: Исследования по отечественному источниковедению. Изд. «Наука», М.—Л., 1964, стр. 301—304.

⁷ См., например: Г. Блок. Пушкин в работе над историческими источниками. Изд. АН СССР, М.—Л., 1949; Н. В. Измайлов. Об архивных материалах Пушкина для «Истории Пугачева». В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. III. Изд. АН СССР, М.—Л., 1960, стр. 438—454; Анна Чхеидзе. «История Пугачева» А. С. Пушкина. Тбилиси, 1963.